

Великая

Еду я как-то в автобусе по метромосту, день ясный, осенний. Через реку виден песчаный берег и парк – берёзы и ивы совсем золочёные. И вспомнилась мне одна личность, то ли берег напомнил, то ли осень навеяла. А может, всё разом. Бывает такое, когда несколько обстоятельств складываются в одно и вытаскивают из памяти то, что забылось, отошло в тень.

Автобус встал у железнодорожного переезда – его как раз перекрыли: полз товарняк. Я сидел и злился, что на работу опаздываю, смотрел в окно, и перед глазами всплыла грузная фигура пожилой женщины, которую в нашем городе называли просто бомжихой, а кто-то добавлял «великая».

Первый раз я её встретил, когда бегал с пацанами по Порт-Артуру¹. Мне тогда, шкету долговязому, было тринадцать лет, на дворе «лихие девяностые». Наш район всегда считался опасным. Его называли «цыганским»: в 1950-х годах цыгане дёшево покупали здесь дома и селились семьями. За прошедшие годы все перемешались, и где теперь цыгане, а где русские с татарвой – поди разбери. Но я там вырос и никакого особого криминала не заметил. Пили, курили, дрались и воровали, как и везде.

Я хорошо помню тот солнечный, уже по-летнему тёплый день конца мая. Мы с пацанами сняли олимпийки и обвязали их вокруг пояса. Бежали на остановку, вынырнув из-за гаражей, – а навстречу нам, переваливаясь, как медведица на задних лапах, шла она, большая и вонючая, как помойка. Видом очень напоминала чайную бабу, может, знаете, кукла такая, которую насаживают на самовар. Больше всего меня удивило, что она шла в шапке поверх платка и в пальто, – и это в жаркий день! Более того, из-под пальто выглядывали лоскутья халатов и юбок в несколько слоёв. Вся одежда на ней была грязная, и зловоние исходило такое, что чувствовалось на приличном расстоянии. Я шарахнулся в сторону, задыхаясь и не скрывая своего омерзения. Она же шла, передвигая ногами-тумбами так, словно ничего не было впереди неё, кроме дорожки, ведущей в частный сектор района.

Откуда взялся этот мамонт, мои друзья не знали. В тот же день я спросил у отца – он знал не много. Бомжиха жила в Порт-Артуре на окраине, в полуразвалившемся доме почти у самого берега реки. Выходила на улицу редко – два, может, три раза в неделю. У неё была какая-то редкая болезнь кожи, отчего она не мылась и не снимала одежду. Многочисленные юбки, халаты и рубахи расплзались на ней – она находила новые, накидывала сверху. И всё своё телесное тряпье прикрывала неизменным коричневым пальто. На голове всегда был платок, сверху тёплая шапка, и так при любой погоде. Ещё отец сказал: «Вот наш дед, тот наверняка о ней что-то знает, они почти одного возраста будут».

А мать добавила, что мне нечего соваться к этой странной старухе. Во-первых, неизвестно, чем она действительно болеет, не хватало принести в дом заразу. Во-вторых, её почему-то побаиваются – а вдруг она как-то связана с криминалом в нашем районе? Я

¹ Порт-Артур — микрорайон на юге города Омска.

посмеялся её опасениям: да кто в здравом уме подойдёт близко к бомжихе! Мать только покачала головой.

С тех пор я всегда поглядывал по сторонам, выискивая грузную нелепую фигуру, подбивал друзей найти её дом, на спор заглянуть в окна. Ребята моего рвения не поддерживали: им хотелось загорать, купаться в реке и бегать в кино на фильмы про каратистов. Но всё же мне довелось увидеть бомжиху ещё дважды и довольно близко. Первый раз в парке, на дорожке, ведущей к берегу реки. Переваливаясь из стороны в сторону, медленно передвигая ногами, она шла и помогала своей нелёгкой ходьбе полными руками. Несмотря на то, что меня едва ли не сдуло с её пути от смрада, я успел разглядеть на ней кожаную сумку, перекинутую через плечо, и широкий армейский ремень – латунная бляха со звездой, которым она затянула пальто почти под самой грудью.

Второй раз случился на рынке. Мать потащила меня купить одежду для школы. Советскую форму тогда уже отменили, новую ещё не придумали, но родители навязывали мне рубашку и брюки. После рядов со шмотками завернули в продуктовый ангар. Нам навстречу повалил народ, едва не сбивая с ног. Мать забеспокоилась: драка или комиссия нагрянула? Однако мы всё равно зашли.

Между овощных рядов шла бомжиха. Люди перед ней расступались, как волны перед баржей, ей расчищали путь на два-три метра, и она спокойно разглядывала горы овощей, лотки с фруктами. Бомжиха тыкала пальцем в то, что ей нравилось, торговки без лишних слов упаковывали выбранное и передавали ей. Бомжиха принимала пакеты и складывала в свою кожаную сумку. Я заворожённо смотрел на это действие, удивляясь тому, что крикливые торговки при ней молчали, безропотно повиновались её выбору и никто не требовал оплатить свой товар. Бомжиха набрала продуктов и степенно выплыла из ангара. Рынок снова оживился, загомонил, словно ничего и не было.

Меня распирало от любопытства, страстно хотелось узнать о ней больше. Почему к ней относятся так терпимо, едва ли не с почтением? Но кого бы я ни спросил, все знали о её существовании, но ничего – о судьбе. И ведь она ходила не только по нашему району – могла появиться на любой улице города, особенно любила парки. Не сразу и замечали, как, раскачиваясь, проплывёт рядом, обдавая волной зловония. Хочешь не хочешь, а головой закрутишь узнать, откуда помойный запах. А это она, бомжиха!

Делать нечего, пошёл к деду, в самую старую часть района. Он частенько попивал, за что моя мать его не переносила. Отец навещал редко, а мне вообще не до него было. Он нас тоже не жаловал, жил своей свободой и терпеть не мог, когда кто-то лез к нему с советом или помощью. Чтобы развязать деду язык, я раздобыл бутылку «Столичной» и прихватил батон с колбасой. Водке дед сильно обрадовался, колбасу похвалил, а батон отодвинул: это, говорит, сами ешьте, разбалованные, я свой серый никогда не предаю. Припомнил, как в детстве мать его лепёшками из отрубей и лебеды кормила. И вкуснее этого хлеба, говорит, ничего не было.

Я сразу выложил, зачем пришёл. Дед сгонял меня в свою халупу принести нож и стакан, неторопливо, прямо на лавке разрезал колбасу. Достал из-за пазухи серый хлеб в тряпке и деловито разделал на мелкие квадратики. Хрюпнул стаканчик, занюхал хлебом, мне попенял, чтоб задом на лавке не елозил: «Нечего суетиться, жизнь не птаха, торопливости не любит». Подышал, повздыхал глубоко и начал рассказ издалека:

– Ещё до Великой Отечественной по Сибири было массовое расселение людей – демобилизованных моряков, железнодорожников, рабочих и разных мастеров. Порт-

Артур к городу в те времена не относился, был привокзальным селением, куда и стекались приезжие. Наша семья аккурат из железнодорожников будет. А цыгане потом табором набежали, однако смешанными семьями всё ж селились. Ну, это когда муж русский, а жена цыганка. Фроська, Ефросинья, значит, как раз была из такой семьи. Родители до войны померли, уже и не вспомню от чего, а она вёрткая оказалась, крепкая, в войну сгодились на сортировочной. В наш город в сорок первом-то году один за другим эвакуировались заводы, да по железной дороге, а людей шибко не хватало. Фроська очень отличилась на сортировочной, почти жила там, страсть как любила нашу железную дорогу. Оно и понятно, что тут думать, цыганская кровь даёт о себе знать. Всю войну она там работала, ей за это даже медаль дали и армейским ремнём наградили, что Фроська вроде солдата, только в тылу. Она очень этим ремнём гордится. После войны на завод устроилась, сейчас его «Полётом» называли, а тогда назывался «Авиационный завод №166». И вот случился там сильный пожар, как раз в её смену, и она бросилась спасать людей и станки. Не успела выскочить из заводского ангара – крышей придавило. Сильно она в тот пожар обгорела... Думали, не выживет, ан нет, крепкой оказалась. С тех пор её морозит, вот и кутается.

Дед, пока рассказывал, ещё дважды свой гранёный стаканчик осушил. Я, как оглушённый, сидел и всё батон в руках мял, грыз румяную корку, а мякоть воробьям кидал. Дед на это качал головой.

Потом я спросил, почему её боятся. Даже моя мать велела от неё держаться подальше, и на рынке с неё денег не берут.

Он ругнулся на мать, а мне ответил, что боятся её за глаза: глаз-де тяжёлый, мать-то цыганка.

– Фроська если посмотрит эдак своим цыганским глазом, как в землю вобьёт. А на рынке вот какая история вышла. Одна из торговек её шибко обидела. Так Фроська возьми и сядь возле её лотков! Сидит, а вонь такая, как при газовой атаке. День так посидела, второй. На третий торговки сами к ней на поклон: уважь, говорят, возьми что хочешь и денег не надо, только пойдёшь с рынка, а то торговли никакой, пока ты тут сидишь. С тех пор и повелось...

Я тогда ещё долго с дедом сидел, думал о подвиге бомжихи, пока он сам меня не выгнал. За беленькую, говорит, спасибо, но дел по горло, а не пошёл бы ты, милый внук, со двора поздорову.

Как только началась школа, я отвлёкся от мыслей об этой женщине, некогда было. И в моём воображении она приобрела некий мифический оттенок, вроде как дух окраины, осколок эпохи. А потом по городу разнеслась весть, что бомжиха умерла. Какие-то подростки нашли её на песчаном берегу реки. Она сидела на своём тряпье, как на стуле, чуть склонив голову и уже окоченевшая. Вроде сердце прихватило.

Как уж её хоронили, мне не ведомо, но вот что интересно. На первый взгляд, все должны были вздохнуть с облегчением и порадоваться. Но город всей своей миллионной оравой погрузился в траур, словно лишился чего-то значимого. Дед вообще ушёл в недельный запой, будто не бомжиха умерла, а какой-то известный просветитель.

И кто теперь вспомнит, что когда-то в Порт-Артуре жила бомжиха и одним своим видом всех изумляла, чьё величие – верный труд в годы войны. Если бы дед не рассказал, чтобы я сохранил в памяти? Тяжёлый взгляд цыганских глаз, нестираное вонючее тряпье да медвежью походку.